

Он заметил, что в поведении Цяо Пэя что-то не так.

Сердце Чао Цы ушло в пятки: он осознал, что мужчина, возможно, не лгал.

Но только этого было недостаточно, чтобы делать выводы. Он подавил тревогу в душе, и на его лице не дрогнул ни единый мускул.

— Неужели есть такие люди? — спросил Цяо Пэй. — В ближайшие дни не выходи из дворца, я велю Управлению императорского города как следует всё разузнать. Ты помнишь, как выглядел тот человек?

— У него глаза как у феникса, прямой нос, высокий рост... В общем, он выглядит очень красиво, — ответил Чао Цы и добавил: — Только немного пугающе.

Услышав это, Цяо Пэй помрачнел.

Он не мог выносить, когда Чао Цы хвалил внешность того человека.

Три года назад Чао Цы влюбился в него с первого взгляда именно из-за его лица.

Из-за случившегося у Цяо Пэя пропало желание вести Чао Цы на представление, и он, ухватив недовольного Чао Цы, вернулся во дворец.

Вернувшись, Чао Цы не находил себе места.

Он понимал, что в словах того мужчины была как правда, так и ложь, но не мог разобрать, где что.

Цяо Пэй тоже скрывал от него что-то, связанное с этим человеком.

Если тот мужчина действительно был его мужем, старший брат наверняка знал об этом. Однако, расспросив его однажды и узнав, что он не помнит Цзинь Яо, брат больше никогда не произносил этого имени.

Чао Цы в раздражении взъерошил волосы.

Что вообще происходит? Почему все вокруг вдруг стали такими странными?

А в том месте, о котором он даже не догадывался, Цзинь Яо столкнулся с покушением.

После встречи с Чао Цы он вернулся в поместье клана Чао, в тот самый флигель, где его держали под замком. Стража даже не заметила, что их пленник куда-то отлучался.

Он сидел в кресле, его брови были холодны, как прежде, а тонкие губы лишились красок.

Он выглядел изможденным.

— Ваше Превосходительство, с вами всё в порядке? — осторожно подал голос Сымина.

Цзинь Яо долго молчал.

Он опустил взгляд, снова достал талисман мира, висевший на поясе, и крепко сжал его в ладони.

Но вскоре поспешил разжать пальцы и холодными кончиками пальцев принялся разглаживать складки на талисмане.

Спустя долгое время Сымин услышал вопрос Цзинь Яо:

— Полгода назад ты сказал, что он встретит благородного человека и проживет жизнь в достатке и спокойствии. Этот человек — Цяо Пэй? И означает ли это спокойствие, что он до самой старости будет с ним?

— ... — Сымин несколько раз открывал и закрывал рот, но в итоге, собравшись с духом, ответил: — Да.

— Что их ждет?

— Цяо Пэй разделит с ним мир и до конца своих дней не будет знать никого другого, — дрожащим голосом произнес Сымин.

— Ха, — усмехнулся Цзинь Яо, и невозможно было понять, насмешка это или самоирония. — Ты называешь его моим Испытанием чувств, так почему же он стал судьбой для другого?

— Это... — пот градом катился по лицу Сымина. — Ваше Превосходительство, судьба не неизменна. Особенно ваше Испытание чувств: пройти или не пройти — вот главная переменная. Возможно, если бы вы тогда не провалили это испытание или... если бы не стерли память Чао Цы, то всё сложилось бы иначе.

Он говорил всё тише, особенно когда речь зашла о стирании памяти — он пожалел об этих словах, как только они сорвались с языка.

В конце концов, хотя это был приказ Вашего Превосходительства, исполнял-то его он сам. Если Ваше Превосходительство разгневается...

Цзинь Яо перебирал пальцами талисман и проговорил:

— Ты прав.

Это я оттолкнул его к другому.

Но...

Снаружи слышался шорох ветра.

Очень тихий — обычный человек никогда бы его не заметил.

Но Сымин и Цзинь Яо одновременно посмотрели на дверь, и Цзинь Яо поднялся с кресла.

Кто-то пришел.

— В одном ты ошибся, — Цзинь Яо повернулся к двери и тихо усмехнулся: — Возможно, моё Испытание чувств только начинается.

Как только он закончил, в темноте возникло несколько фигур.

Они были облачены в черное, в руках сжимали сабли Сючунь, сливаясь с ночью и источая леденящую жажду убийства.

Цзинь Яо слегка сузил глаза.

Цяо Пэй оказался весьма жестоким человеком.

На следующий день, после утреннего доклада, Чао Цзюэ сам попросил аудиенции у Цяо Пэя.

Они беседовали во внутренних покоях, отослав всех слуг.

Лицо Чао Цзюэ было суровым, он не скрывал гнева и прямо спросил:

— Почему ты пытался убить Цзинь Яо?!

Вчера он услышал необычный шум во дворе, а когда примчался туда, никого не нашел, но у Цзинь Яо в левой части груди зияла рана, из которой хлестала кровь.

Чао Цзюэ сразу понял: было покушение.

Во дворе было полно стражи, и хотя их приставили для надзора, они обязаны были пресечь вторжение. Но эти люди стояли как ни в чем не бывало, словно не слышали шума — а ведь даже Чао Цзюэ, ученый, не владеющий боевыми искусствами, услышал!

Раз стражу поставил Цяо Пэй, значит, это он подослал убийц.

Несколько дней назад внезапное появление Цзинь Яо застало Чао Цзюэ врасплох.

Он не любил Цзинь Яо. И дело было не в личной неприязни, а в самом человеке.

Тот появился из ниоткуда, заявил об амнезии. Если бы младший брат не был так привязан к нему, он бы никогда не позволил им пожениться. После свадьбы он узнал, что они даже не делили ложе, а Цзинь Яо вел себя с его глупым братом, который души в нем не чаял, равнодушно. Хочет — улыбнется, не хочет — отвернется.

Чао Цзюэ, который был одержим заботой о брате, при этих словах пришел в ярость.

Но это ладно, это их дела. Однако потом на семью Чао обрушилась беда, Чао Цы бежал с Цзинь Яо, они искали людей в Да Юэ, но нашли только Чао Цы, который полностью потерял память о Цзинь Яо.

А полгода спустя, в столице империи Е, Цзинь Яо снова объявился с речами, в которых невозможно было отличить правду от лжи.

Сложно сказать, что провалы в памяти Чао Цы не были делом рук человека: он никого не

забыл, помнил всё, что произошло за три года, кроме одного лишь Цзинь Яо. Чао Цзюэ не владел магией, но был наслышан о подобном.

Более того, Цзинь Яо был красив, как небожитель, и держался совсем не как простой человек... Разве мог Чао Цзюэ поверить такому?

Только его беззаботный младший брат мог верить во всё подряд.

К тому же Цяо Пэй вызывал у него больше доверия. Они прошли через огонь и воду, Чао Цзюэ знал, какой он человек, видел его чувства к Чао Цы и его заботу.

Исходя из этого, Чао Цзюэ согласился на заточение Цзинь Яо.

Но всё же Цзинь Яо был его зятем, был вписан в семейные хроники, и до потери памяти брат любил его до безумия. По правде говоря, Цяо Пэй действительно воспользовался ситуацией... Как можно было покушаться на жизнь Цзинь Яо, не имея доказательств его вины?!

А если это ошибка? Если брат вернет память, что он ему скажет?

Цяо Пэй знал, что Чао Цзюэ придет, и спокойно ответил:

— Вчера мы с Сяо Цы вышли из дворца, и на полпути он внезапно исчез. Я был в отчаянии, но через мгновение он появился на том же месте. Сяо Цы сказал, что человек, который его похитил, назвал себя его мужем.

Хотя они были государем и подданным, империя Е была молода, и они были боевыми товарищами. Не будет преувеличением сказать, что половина заслуг в создании империи принадлежала Чао Цзюэ. Поэтому, несмотря на то, что тот настаивал на субординации, Цяо Пэй не придавал этому значения.

Сегодня, когда Чао Цзюэ пришел с гневными обвинениями, Цяо Пэй не стал важничать и говорить о себе в третьем лице, а использовал простое «я».

Услышав это, Чао Цзюэ вздрогнул.

Смысл слов был ясен и без пояснений. Цзинь Яо был под стражей, вокруг него стояли мастера, но он смог сбежать и вернуться незамеченным.

Мог ли такой человек быть обычным? Мог ли он действительно ничего не помнить?

По спине Чао Цзюэ пробежал холодок.

Но он не поддался на уговоры Цяо Пэя. Подавив гнев, он сказал:

— Доказательств нет, и пока что Цзинь Яо не сделал ничего плохого — по крайней мере, мы этого не заметили. Цяо Пэй, ты подумал о том, что если ты убьешь его, а Сяо Цы потом всё вспомнит, как он посмотрит на нас?!

В глазах Цяо Пэя проступили красные прожилки:

— Ты предлагаешь мне просто позволить ему искать Сяо Цы?

Он ни о чем не жалел. Жаль лишь, что вчерашние люди не смогли покончить с Цзинь Яо.

Если Сяо Цы вспомнит всё, Цзинь Яо к тому времени уже будет мертв... А разве может живой соперничать с мертвецом?

Чао Цзюэ долго смотрел на него и наконец произнес:

— Ты сошел с ума.

Возможно, он был неправ, когда отдал Сяо Цы в руки Цяо Пэя.

Чао Цы не знал о споре Цяо Пэя и Чао Цзюэ. В тот момент он сидел в комнате, ел сладости и играл с деревянной птицей, купленной вчера на улице.

Птица была сделана искусно, с маленькими механизмами, и Чао Цы был увлечен игрой.

Как только вчерашние тревоги почти забылись, свет в комнате внезапно померк.

Словно что-то заслонило солнце, падающее из окна.

Чао Цы удивленно поднял голову и увидел вчерашнего мужчину.

Сердце его подпрыгнуло.

— Ты... почему ты снова пришел? — нервно спросил он, проклиная себя за то, что отослал слуганок.

— Советую тебе сегодня не говорить странных вещей, а то я позову стражу! — храбрясь, воскликнул Чао Цы. — А-Пэй приставил ко мне много охранников, они очень сильные!

Мужчина был в тех же сложных снежно-белых одеждах, ткань которых напоминала шелк акулы, а на рукавах серебрились узоры, едва заметные при дневном свете.

Когда Цзинь Яо услышал, как Чао Цы произнес А-Пэй, его лицо помрачнело, и этот мрачный взгляд заставил Чао Цы испугаться.

— Ты называешь его А-Пэй? — низким голосом спросил Цзинь Яо.

— Д-да... — Чао Цы отодвинул стул. — А что, есть проблемы?

— Тебе нельзя называть так других, — холодно и жестко сказал Цзинь Яо.

Когда-то юноша любил называть его А-Яо, и это звучало так ласково, а теперь это прозвище досталось Цяо Пэю. Цзинь Яо не мог описать свои чувства.

Ему было невыносимо больно, а в душе клокотала ярость.

— Ну не буду, ладно, — трусливо ответил Чао Цы, стараясь сохранить суровый вид. — Это всего лишь обращение, тебе-то что?

Услышав, что он больше не будет так называть того человека, Цзинь Яо немного смягчился.

Увидев, что мужчина больше не выглядит пугающе, Чао Цы решил рассмотреть его получше. И

тут заметил, что его левая рука перебинтована толстым слоем марли.

— Ты ранен? — осторожно спросил Чао Цы.

Цзинь Яо поднял левую руку:

— Ты об этом?

— Да.

— Это разве рана? — усмехнулся Цзинь Яо, подошел к Чао Цы и схватил его за руку.

— Что ты делаешь? Я же сказал, не распускай руки! — в панике воскликнул Чао Цы.

Когда он увидел, что Цзинь Яо прижал его ладонь к своей груди, он запаниковал еще больше.

— погоди! Что ты творишь, бесстыдник!

— Если бы я хотел быть бесстыдником, мне не пришлось бы так утруждаться, — мягко рассмеялся Цзинь Яо. — Почувствовал?

— Что? — Чао Цы был в замешательстве, но тут же понял, что под его рукой что-то странное.

Кажется... выпуклость?

— Ты что, засунул что-то под одежду? — спросил Чао Цы.

Цзинь Яо небрежно распахнул ворота верхней одежды, обнажив нижнюю.

В районе правой части груди расплывалось кровавое пятно.

Чао Цы в испуге отдернул руку.

Цзинь Яо вовсе распахнул одежду, открыв плечо и грудь.

Они были обмотаны толстыми бинтами, которые из-за того, что Цзинь Яо грубо прижал руку Чао Цы к ране, теперь сильно пропитались кровью.

Чао Цы был в шоке:

— Как... как это вдруг случилось?

Вчера, когда он видел мужчину, тот казался совершенно здоровым.

— Вчера, когда ты ушел, ты сказал Цяо Пяю, что это я приходил к тебе? — хрипло спросил Цзинь Яо.

— Я не называл твоего имени, просто сказал, что человек сказал, будто мы были женаты... — ответил Чао Цы.

— Тогда он понял, что это я, — Цзинь Яо негромко усмехнулся. — Он воспользовался тем, что

ты потерял память, а меня не было рядом, и обманом заставил тебя быть с ним. Теперь, узнав, что я вернулся, он, разумеется, испугался и вчера подослал убийц.

— Убийц?! — Чао Цы вытаращил глаза.

Хотя он был из знатного рода, где хватало своих грязных дел, семья оберегала его, и он никогда не слышал о подобном. В глазах Чао Цы даже тот, кто не уважал учителей и любил лишь развлечения, считался плохим человеком.

— Твоя рана... с тобой всё будет в порядке? — заикаясь, спросил он.

Цзинь Яо схватился за бинты на плече и, прежде чем Чао Цы успел что-то понять, сорвал их.

Тут же обнажилась кровавая рана длиной в два цуня.

Из-за резкого движения края раны разошлись, и она снова начала кровоточить.

— Ты жить не хочешь?! — Чао Цы опомнился лишь спустя мгновение и вскрикнул.

— С ума сойти, кто же так показывает раны! — ругался Чао Цы, роясь в шкафчике.

Он помнил, что у него были экстренные лекарства.

Цзинь Яо смотрел, как юноша перерывает всё вокруг, пока наконец не нашел зеленый фарфоровый флакон.

— Нашел! — глаза юноши засияли.

Он подошел к Цзинь Яо и сказал:

— Садись скорее, я обработаю рану.

Цзинь Яо послушно сел, и Чао Цы осторожно принялся за дело.

Вблизи рана выглядела еще ужаснее. К тому же она была в левой части груди, совсем близко к сердцу.

Действительно, били на поражение. Если бы не осторожность, мужчина бы не выжил.

— Это правда сделал Цяо Пэй? — спросил Чао Цы, нанося лекарство.

— А ты как думаешь? — Цзинь Яо взглянул на него.

Чао Цы замолчал.

У него были свои догадки, а учитывая странное поведение Цяо Пэя вчера... ответ был очевиден.

Он перестал спрашивать и сосредоточился на лечении.

Как только лекарство попало на рану, кровь начала останавливаться. Чао Цы обрадовался: не зря брат прислал это средство, оно действительно отлично работает.

Он не знал, что обычные раны от клинков на теле Цзинь Яо заживали почти мгновенно, и если рана осталась с вчерашнего дня, то лишь потому, что Цзинь Яо продолжал использовать

божественную силу, чтобы не дать ей затянуться, как и в случае с кровотечением.

Раз уж Чао Цы занялся лечением, Цзинь Яо, естественно, перестал терзать себя.

Чувствуя едва уловимое прикосновение к груди, Цзинь Яо прикрыл глаза.

— Когда мы встретились впервые, я тоже был тяжело ранен, рана была на плече, — медленно проговорил Цзинь Яо. — Ты заявил, что влюбился в меня с первого взгляда, привез в поместье Чао и каждый день вот так обрабатывал рану, хотя тогда это было больше похоже на повод воспользоваться мной.

Он говорил это тихо и спокойно, ничуть не стесняясь.

А вот Чао Цы мгновенно покраснел.

— Чепуха! — воскликнул он, выпятив подбородок.

Но, услышав это, он словно впервые заметил, что мужчина действительно невероятно красив и сложен... Чао Цы знал, что падок на красоту, и обычно вряд ли удержался бы от подобных мыслей, но сейчас, глядя на него, он не чувствовал ни малейшего трепета.

Неужели я поборол свою слабость к красивым лицам?

Голос в голове Чао Цы озадаченно почесал затылок.

— Разве это чепуха? Раньше ты был весьма охоч до красоты, но не очень смел. Воспользуешься случаем — и радуешься, будто величайшее сокровище получил, а на большее не решался, — Цзинь Яо вспомнил прежнего глупыша, и в его холодных глазах промелькнула улыбка.

Чао Цы стало так неловко, что хоть сквозь землю провалился.

Еще неловче было то, что, поразмыслив, он понял: это действительно похоже на то, что он мог сделать.

— Я правда был женат на тебе? — спросил Чао Цы, немного успокоившись.

— У тебя на внутренней стороне бедра есть красная родинка, — не спеша ответил Цзинь Яо.

— А-а-а, закрой рот! — Чао Цы пришел в ярость.

Он хотел сменить тему, чтобы уйти от неловкости, но вышло только хуже.

Родинка действительно была, но так как он не любил, чтобы его обслуживали во время купания, об этом не знал никто, кроме него самого.

Он не знал, что они с Цзинь Яо никогда не делили ложе, а Цзинь Яо узнал об этом, потому что в их съемном жилище в Да Юэ была всего одна спальня, и каждый раз, когда Чао Цы мылся, он приносил деревянную бадью и мылся, пока Цзинь Яо спал.

Однако на самом деле Цзинь Яо никогда не спал, пока Чао Цы не ложился.